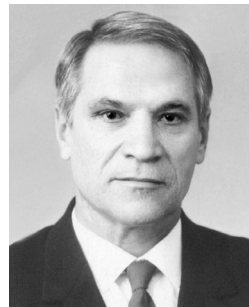

К 110-летию со дня рождения

Дмитрий
Снегин

СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ, ИЛИ ВОКРУГ МИХАЙЛОВСКОГО

*Искусство Слушать постигал я долго
Но вдруг далось и ремесло Молчать.
Но под луной я перенял у Волка
Достойную печали гордой Стать.*

*Знак магии с тех пор во мне лучится –
Греховности божественный соблазн...
Не оттого ли пылкая Волчица
С меня не сводит первобытных глаз?!*

ВМЕСТО ПРИСКАЗКИ

Странные сближения...

Всегда ли странны подобного рода сближения (сопоставления... сличения)? Сомневаюсь. Впрочем, я суверен, и непредсказуемая, но целенаправленная энергия вселенского Хаоса влияет на меня, как возмущение магнитных бурь. Давний и верный мой спутник, читатель, тебе знакомо схожее состояние, ты посочувствуешь и простишь мне невольное заблуждение. Однако решающее значение имеет тот факт, что сие определение принадлежит Гению. Значит, так тому и быть.

Признаюсь и в другом. О «псковской деревне матери» Поэта я знаю не понаслышке (не только понаслышке). Я был там. Одна из огненных страниц моей жизни. К тому же парадоксальные сближения в чем-то сродни событиям, в которых принимал участие лично. Мне это помогает написать задуманное более удачно.

Благословясь, начну...

I

Можно ли тремя словами полно определить вклад русского национального Гения в общечеловеческую культуру? Можно!.. «Пушкин – наше все» (Аполлон

Григорьев). Такая глубина постижения мне не дана. Дай Бог приблизиться к странному сближению, влекущим меня в Михайловское.

Святые горы – Пушкинские горы... Синегорье... Реки Сороть и Великая... Холмистые поля, дубравы. Михайловское... Троегорское – так любил говаривать Изгнанник. Вспомним хотя бы строки из письма к А. Вульфу: «Запируем уж, молчи! Чудо – жизнь анахорета! В Троегорском до ночи, а в Михайловском до света...» Сельцо Савкино, куда влекла Поэта неведомая (нам неведомая!) сила даже мечтал приобрести в собственность. Милая в своей наивной простоте часо-венка на Савкиной горке... Святогорский монастырь на вершине Синичьей горы. Городище Воронич, где божий раб Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333 создал комедию «о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве» (такая надпись в книге, а в рукописи – «Писано бысть Алек-сашкою Пушкиным в лето 7333 на городище Ворониче»)... Гордость и полная радость – «Ай да Пушкин!»... – Лицевая сторона.

А тыльная – «Влачу закованные дни». Глубоко переживают эту «закованность» и друзья Поэта. Вот из письма П. Вяземского к А. Тургеневу:

Кто творец этого бесчеловечного убийства? Или не убийство – заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской?.. Должно точно быть богатырем духовным, чтобы устоять про-тив этой пытки. Страшусь за Пушкина!

А Он не страшится. Замышляет побег за границу. Поражает разнообразие и аргументированность доказательств, в других случаях – средств. Вот прошение на Высочайшее Имя.

...решился я прибегнуть в Вашему Императорскому Величеству со всеподданнейшею моею просьбою: здоровье мое, рас-строенное в первой молодости, и род анев-ризма давно уже требуют постоянного лечения, в чем и, представляя свидетельство медиков, осмеливаюсь всеподданнейше просить соизволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края (Разрядка моя. – Дм. Сн.).

Не надеялся. Но вдруг... Спасение находил в другом: писал... писал... писал. Главы «Онегина»... поэма «Цыганы»... стихи – и какие! С отрадой принимает отклики друзей, но головы они не кружат. («Дружбу сотворил Бог, а литературу состряпали мы, смертные»)... «Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца» (К. Рылеев)... «Слышал поэму Пушкина *Цыганы*. Прелесть и, кажется, выше всего, что он доселе написал» (П. Вяземский)... Сбылось про-зорливое вещание В. А. Жуковского:

19 сентября 1815 г. П. Вяземскому...

Я сделал еще приятное знакомство с нашим молодым чудо-творцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Сарском Селе. Милое, живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал

руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности. Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет.

«Был на минуту», но рукой, прижатой к сердцу «молодым чудотворцем», Певец во стане русских воинов почувствовал (распознал) гиганта Слова, «который всех нас перерастет».

Я часто перечитываю это святое пророчество и всякий раз странные сближения плавно и ласково переносят меня в счастливое, невозвратное детство. В доме моего деда по матери Сергея на противоположной от иконостаса стене висели три портрета: Карамзин... Багратион... Жуковский – великолепные гравюры в изящных золоченых рамах. Я вижу их сегодня, спустя без малого век, как видел их тогда – свежо... вдохновенно... призывно... в предчувствии постижения непостижимого. Особенно колдовал меня задумчивый, мечтательный и загадочный взгляд Жуковского. Гравюра (открою позднее) исполнена неведомым мне Вендрамини с оригинала О. А. Кипренского. 1817...

После Октябрьского переворота, когда начнутся гонения на все «старорежимное», моя сметливая тетушка Маруся предаст портреты огню и пепел втайне развеет по дедовскому саду. Страшусь догадки: и портрет Пушкина, окажись он рядом с Жуковским, моя жизнелюбивая тетушка сожгла бы, не сомневайтесь. Сожгли же пушкинское Михайловское нацистские захватчики, причислившие себя к высшей расе человечества. Понимаю, наивные, сколь и странные же, сближения, но что-то в них есть... есть!

Воображение возбуждено до предела: так хочется побывать в том запоевном уголке – Синегорье! Несбыточная мечта; я еще не разумею, что порой и несбыточное сбывается. Осуществится и мое желание. Я взберусь на горы с более экзотическими названиями – Хернева, Чертова, но... в назначенный изменчивой судьбою срок. А пока прикасаюсь к тем местам мысленно, через стихи Пушкина, еще не догадываясь о том, что они – эти стихи – принадлежат Ему. Рассудите сами, доверившись Хаосу, у которого всегда что-то на уме. Уж я-то знаю.

II

Апрель, 1924. Через шесть месяцев мне стукнет 12. Я слышу за грамотея – бойко читаю, бойко пишу, даже знаю: у Пушкина была няня Арина Родионовна. Она нашептала ему много-много интересных сказок. Я полюбил ее, как любил свою родную бабушку Наталью. Мое детское воображение даже «Руслана и Людмилу» относил к открытым Ему няней сказкам. Или оно так и было? Позрелеев, я обнаружу: в некоторых доступных мне публикациях Арину величают Ириной Родионовной. Знаток утверждают: фамилия «доброй подружки» Поэта – Яковлева.

И еще одно сопоставление. Дом знаменитого семиреченского садовника Никиты Трофимовича Моисеева, поставившего к императорскому столу удивившие мир яблоки – верненский апорт, – напоминал мне дом, в котором жил Пушкин в родовом имении, будучи в изгнании. Я видел его на картинке с мудреным названием «Литография Г. Александрова. 1837». Пройдут годы, и мне на глаза попадется та же картинка с несколько измененной надписью – «Литография

П. А. Александрова по рисунку И. С. Иванова. 1837». Обрати внимание, читатель: фамилия одна, а инициалы разные – «Г» и «П».

Я не литературовед, не пушкинист; у меня просто врожденная страсть – сравнивать (сличать) тексты, рисунки, фото, документы. Я люблю это занятие и днесь... Так все-таки Г. Александров или П. Александров? Проще простого сослаться на опечатку. Но вот незадача. В книге «Пушкин и его время. Выпуск первый» Н. Грановская свидетельствует: талантливый псковский землемер Илья Иванов пригласил опытного петербургского литографа П. А. Александрова вместе с ним запечатлеть пушкинские места такими, какими они были при жизни Поэта, – для потомства.

Сам же Иванов утверждает: «Все виды галереи Пскова и его окрестностей сняты с натуры; на камне рисованы Г. Александровым в Пскове»... Друг-читатель, в эту минуту я склонен верить И. Иванову. Невозможно не верить. Несчетный раз я дотошно разглядываю литографии Г. Александрова «Святогорский монастырь», «Псков» и «Сельцо Михайловское», помеченные 1837 годом и воспроизведенные в книге «Пушкин в портретах и иллюстрациях» на 130, 131 и 307 страницах. Не верит Н. Грановская. Она сетует: «Нам не удалось обнаружить каких-либо данных о пребывании П. А. Александрова в Пскове. Вероятнее всего, он перенес рисунки Иванова на камень в Петербурге».

Морока... для меня морока. В редко читаемой книге «Тропа к Пушкину» помещены оттиски – «Михайловское» и «Святогорский монастырь». Литографии П. Александрова (не П. А.) с рисунка И. Иванова... Подумалось, ужели они, эти литографии, «перенесены на камень» не в Пскове? Поколебали сомнение строки, обнаруженные на 559 странице («Пушкин и его время»): «Особую ценность имеют изображения мемориальных пушкинских мест: первые зарисовки с натуры усадьбы Поэта в с. Михайловском на литографии П. А. Александрова 1837 года с рисунка И. С. Иванова». Слышите, первые зарисовки с натуры! Расклад в пользу «П». Но как же быть со свидетельством самого Иванова? Он же пригласил для такой почетной работы с натуры не какого-то «П», а талантливого петербургского литографа «Г» Александрова! В сознании исторической значимости для Отечества задуманного акта...

Не все складывалось ладом с задуманным и у меня. Не давал покоя «род аневризма», подточивший здоровье Пушкина. Я чувствовал, понимал – никаким аневризмом он не болел, несмотря на «свидетельство медиков». Мог подхватить горячку, простуду, лихорадку, получить опасную рану на конной или пешей прогулке. На худой конец, открылись загадочные головные боли, вскочил волдырь на неподходящем месте. Но это не убедило бы Высочайшее Имя. А надо было убедить... поразить, вызвать если не сочувствие, то простой интерес. Нужна была острая новинка.

Модным заболеванием в те поры был грипп. В высших кругах о нем говорили умно и тонко, как о Бонапарте... «Анна Павловна кашляла несколько дней, у нее был грипп, как она говорила (грипп было тогда новое слово, употреблявшееся только редкими)» (*Л. Толстой* «Война и мир»).

Несомненно, Пушкин принадлежал к редким. Но почему предпочел заболеть не гриппом, а аневризмом? Почувствовал, что будущее за новинкой, она более штучна – для избранных. Странные сближения подсказали: от аневризмы сосудов желудка в наши дни скончался самый медалелюбивый из людей – Леонид

Ильич Брежнев. Грипп унес сотни тысяч. Пикантным недугом мог заболеть и Николай I.

Нет, не все проявилось, и я в счастливом возбуждении укрылся в засаде – в выжидании более удачливого случая.

III

Вернусь в детство, в апрель 1924-го... Я любил сладости, которых вы не едали и едва ли когда-нибудь увидите издали. Тогда в Алма-Ате проживало много китайцев. Одни чинили фарфоровую и гончарную посуду, мастерили из разноцветной бумаги складные фонарики для свечей. У православных горожан возрастал на них спрос в страстной четверг, перед Пасхой, когда зажженную в храме свечу нужно было принести домой, не погасив по пути. Радужные колдовские звезды на ночных улицах города соперничали со звездами, мерцавшими в небе. Торжественно... таинственно... счастливо...

Другие китайцы торговали с передвижных лотков до чиха наперченными и наукусенными ашлянфузами, лагманами, их можно было есть при помощи двух деревянных палочек; третьи – с тех же, похожих на ручные тачки, лотков за гроши ублажали детвору медом. Мед был необыкновенный, приготовленный из риса и Бог весть каких специй. «И-есть-бела-риса-меда!» – до сих пор поет во мне сладкий призыв. Мы протягивали продавцу ладони с медяками и ответно получали похожие на халву желтые и хрупкие, как льдинки, кусочки меда, завернутые в страницы разорванной на наших глазах старинной книги.

Я никогда не бросал обертку, не прочитав ее от буквы до буквы. Грамотей же!.. Однажды, насладившись дольками, густо обсыпанными маком, я разглядел лист и увидел стихи. Ни начала, ни конца, но сердце почему-то застучало в ритм стихам.

VI

Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен молодых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье.
Они на бранное призыванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянье своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженье:
 Теперь они вошли в эдем
 И потонули в наслажденье,
 Не отравляемом ничем.

«Недаром вы приснились мне»... Я тогда не мог знать – по возрасту, но прежде по своей провинциальной необразованности, – как называется вещь, кто сотворил эти скорбно-ликующие строки, но все в них пленяло алмазно сверкающей и совершенно незнакомой мне жизнью...

Огненная река Великой Отечественной выплеснет меня в апреле 1944 года у Пушкинских гор; потом, после ранения, вернет родным прилавкам Алатау... прежде, чем я осуществлю свою привычку слышать. И узнаю: те стихи под римской цифрой «VI» – фрагмент из «Подражаний Корану», написанных Пушкиным в Тригорском, в доме у П. А. Осиповой. Почему не в Михайловском? Об этом чуть позже – для тех, кто запомнил причину.

IV

Известно: работая над «Подражаниями», Поэт пользовался переводом Корана на русский, сделанным М. Веревкиным и изданным в 1790 году. В жажде сравнений я заглянул в Священную Книгу правоверных в переводе известного востоковеда России, академика И. Ю. Крачковского, прежде иного – в поисках примет, воспроизведенных Поэтом в главке «VI», что попала мне в руки более полувека тому назад в качестве медовой обертки. Их я почувствовал в суре 48. ПОБЕДА...

Я не остыл от войны (должно быть, и не остыну), и слово Победа прозвучало многозначительно не только в личностном восприятии. Нашел и конкретные детали. Есть там упоминание и о бритоголовых, о вере и неверии, гневе и милостях Аллаха; предметно ощутил приближение (прикосновение) Слепца. Читая-перечитывая всю победную суру, я почувствовал себя соучастником воспроизведенного в ней события.

Особенно поразили строки 29 (29). Позволю привести их полностью в надежде обрести опору и поддержку пытливого читателя.

Мухаммад, посланник Аллаха, и те, которые с ним, яростны против неверных, милостивы между собой. Ты видишь их преклоняющимися, падающими ниц. Таков образ их в Торе. Но в Евангелии образ их – посев, который извел свой побег и укрепил его; он стал твердым и выровнялся на стебле, восхищая сеятелей, чтобы разъярить ими неверных. Обещал Аллах тем из них, которые уверовали и творили благое, прощение и великую награду.

Мудро и многослойно; любому смертному предоставлена полная свобода выбора восприятия и действия; неразрушительная для ума и сердца изменчивость взглядов и действий – по мере созревания культуры космического бытия, естественно, не в ущерб национальному достоинству (самосознанию)... Так я истолковал (для себя) прочитанное. А у Пушкина?.. О, Поэт – всегда Поэт!

...дважды Ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет.
И брат на брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

Запомним, друг-читатель, эту трагедийную строфу, – И сын от матери отпрянет, – дерзнув заменить в ней лишь одно слово. Он, Пушкин, в те дни отпрянул от отца. Что я имею ввиду – ведомо многим. Но многие просто не обращали на это должного внимания. Отношу к последним и себя. Оттого мой поиск ответа восходит к апрелю 1944 года. Наше Отечество наращивало наступательные удары по захватчикам на всех фронтах, в том числе и в районе Пушкинских гор.

Готовилась к боям и наша Панфиловская дивизия. Как-то, томимый поиском, я по памяти переписал на лист ватмана прочитанную в детстве VI главку «Подражаний», и теперь она хранилась в полевой сумке рядом с оперативной картой и наставлениями по артиллерийской службе. При случае читал стихи однополчанам, врачам и сестрам медсанбата – Яне Шапиро, Ольге Мещеряковой, Асие Шамшиевой, даже старожилам Синегорья, считавшим Александру Сергеевича своим... Грозные события потеснили мой поиск, но не прервали.

V

Стоят погожие дни, но воздух насыщен холодом. Река Великая (и Сороть тож) все еще покрыта прочным льдом. Это нам, десантной группе, на руку: мы готовим бросок на удерживаемый врагом пушкинский заповедник. В блиндаже сыро, сумеречно, самодельные буржуйки вышвырнуты, чтобы не возникал соблазн протопить их – дым мог демаскировать нас, а оккупантов заставил бы насторожиться и загодя изготавиться к контрудару. Наш марш-бросок на тот берег готовится строго секретно (честно признаться, секрет по приказу, а на деле – Полишинеля).

Передо мной, на самодельном столе, развернута оперативная карта с изображением заповедного уголка России, о котором в свой срок страстный пушкинист напишет с присущей ему нежностью и глубиной: «Мемориальный пушкинский памятник имеет особую власть над людьми. Он в известной мере сердечное святилище и алтарь»... Ох, апрель сорок четвертого – сожгут супостаты алтарь... разрушат. Но особая власть его над людьми оттого возрастет!

Третьи сутки я испытываю эту особенную власть с обжигающей душу силой; пристально вглядываюсь в топографические обозначения селений, в плавные изгибы рек с певучими названиями Сороть... Синяя... Ведь по должности – я начальник штаба артиллерии дивизии, и срочно должен поднять карту, то есть нанести на нее определенные знаки. Главная идея намеченной операции – внезапный и бесшумный бросок десантной группы по льду на противоположный берег и захват плацдарма. Конечная цель – полное освобождение Святых гор от захватчиков. Никаких залпов «катюш», никакого артиллерийского сопровождения пехоты огнем и колесами: перед нами священная пушкинская земля, мы не можем, не имеем права на применение разрушительных ударов. Мы обязаны спасти и сохранить сельцо Михайловское с родовой усадьбой, домик няни Поэта, каждую беседку, тропинку, мостик, дерево. Намерения на грани мечты.

Меня особенно волнует судьба сада: в нем вызревали с детства знакомые ему яблоки – антоновка, титовка, белый налив или царская столовка. Такие же росли и в нашем саду. Трепетная таинственная радость согревает меня, радость сближения: и он лакочился, и я лакочился янтарно-белой, с освежающей кислинкой царской столовкой..

О, Господи, мне надо заниматься штабными делами, а я от волнения тону в потоке видений: я – в комнатах, «...всегда пронизанных запахами хорошего дерева и свежей земли»; во мне звенит пророческий голос Поэта из «Подражаний Корану»: «Клянусь мечом и правой битвой», и пророческое предупреждение из Корана: «А если бы сражались с вами те, которые не верили, они обратились бы вспять...»

Мы не обратились вспять. Мы форсировали по льду реку Великую и закрепились на пушкинском побережье. На рассвете возникли влажные торжествующие гуды: это Весна справляла свое торжество над стужей, сломав на реке Великой лед, не ведая того, что лишила нас надежной переправы и твердой подмоги. Как это было, я попытался передать в стихотворении, сочиненном в лабиринте того трудного боя. Оно далеко от совершенства, но горячее, искреннее, как признание в Судный час.

*У реки Великой два кургана,
Выдумки безудержной игрой
Называют весело и странно –
Херневой и Чертовой горой.*

*И еще узнать мне было странно,
Что на этой Чертовой горе
Радовалась Ларина Татьяна
Золотой сентябрьской заре...*

*Век спустя над Херневой горою
Та заря вставала и росла,
И касалась нежною рукою
Вдребезги разбитого села;*

*В землю замурованных орудий,
Раскаленных боем добела.
Но совсем осатаневши, люди
Не видали, как она цвела.*

*Потому что Пушкинские горы
Нас крестили залповым огнем;
Потому что, потеряв опору,
Вся земля ходила ходуном.*

*И на ней, дрожащей и распятой,
Не помыслив обратиться вспять,
Умирали русские солдаты,
Как они умеют умирать!*

*Потому что там, откуда били,
Наш снаряд земли не разорвет;
Потому что мы не позабыли –
Там, в плену страдая, Пушкин ждет.*

*И туда без выстрелов и крика
Мы – живые – ворвались с утра...
Памятны мне на реке Великой
Хернева и Чертова гора.*

Памятны и гора Синичья, на вершине которой обновленно светится Святогорский монастырь, и городище Воронич... и «Подражания Корану» – лист ватмана, чудом уцелевший в офицерской планшетке, разорванной снайперской пулей.

VI

Память у сестры милосердия Ольги Мещеряковой более приземленная, предельно конкретная.

– Передовой пункт медсанбата, в котором числилась и я, обосновался у самого берега. Было прохладно, но днем талые ручейки, журча, стекались в вырытые саперами траншеи. Мы развернули двухмачтовые операционные палатки. Местные жители помогали. Мы просили их перебраться в тыл хотя бы на время первых боев. Они упирались: «Мы привыкшие»; домогались – кому перевязать гнойный нарыв, кому дать порошок от боли «под ложечкой». Они не сомневались – выживут и через неделю-другую начнут жить, как «вчера».

Мы расспрашивали их – как называются вон те горы, вон та река; где Михайловское? И слышали в ответ:

– Прежде горы прозывались Святыми, а теперь Пушкинские горы.

– Река Сороть.

– Михайловского отселе не видать, за холмами. Там пока правит супостат.

Больно смотреть, вы уж постарайтесь.

Пушкина они величали – наш Лександра Сергеич, будто Поэт был их современником и вместе с ними переживал военное лихолетье. Мы подружились.

Тихая улыбка сходит с лица Ольги, она потаенно вздыхает и, преодолев хрипотцу, продолжает рассказывать.

– Не прошло и суток, над нами закружилась фрицевская «рама» (разведывательный самолет). Наши ястребки их прогнали, но мы по опыту догадывались – жди бомбачей или артналета. Так случилось и на этот раз. Вскоре нас накрыли бризантные снаряды. Осколки разрывали палатки в клочья. Мы находились в первой палатке, готовили оборудование. Выскочили как угорелые и плюхнулись в траншею, переполненную водой. Обстрел прекратился внезапно. И тут мы спохватились – а где Аня Ботагова?.. где Хаким Таиров? ...бросились в палатку. Аня и Хаким лежали на земле, стонали. Особенно тяжело была ранена Аня. Обработав раны, мы проводили их в медсанбат.

Едва вернулись, обрушился второй артналет. Клятый снаряд угодил в головную палатку. В ней, мы знали, работали Нина Лобызева, Наташа Соловьева, Маша Кислова... погибли наши подруги...

Одиноко звенит в моей контуженной голове до предела натянутая струна из «Подражаний Корану»: «Блаженны падшие в сраженье: Теперь они вошли в эдем»... и прерывистый шепот Ольги:

– А сколько было ранено! Мы с Дашей Селяниной не знаю как уцелели, взрывная волна бросила нас в талую грязь рядом с горящей палаткой.

После смутного молчания, не удержалась, попрекнула:

– Ты все о Пушкине расспрашиваешь... Прости, пожалуйста, не до Пушкина нам было тогда!

Меня виновно обожгло, и я взмолился:

– Что ты, Оленька, пусть простит нам Александр Сергеевич... пусть простят Святые горы... в той кровавой сече и не такие слова срывались с воспаленных губ!

Я зябко увял, как листок ясеня, еще не сорванный с простуженной ветки роковым порывом остро отточенного осеннего ветра; а близкое вкрадчивому и неуступчивому взыванию комарика позыванье тормозило память факта.

– Ты не помнишь название села?

– Нет, не помню... и Дарья не помнит... и Шамсия! – заносчиво оттолкнулась Ольга во власти неизбежной боли... но вдруг ее ржаные брови взлетели в погоне за догадкой; распахнулись глаза, и так доверчиво, чисто, что мне на миг приоткрылось донышко ее трепетной, совестливой души. (Сам же я горько осознал: не было ни Херневой, ни Чертовой горы... наваждение... излом горделивого воображения в пику реальности! И пожух суше прежнего). Ликовала Ольга: – Где-то там, в те дни был ранен командир первой батареи противотанкового дивизиона Борис Никаноров. Я сопровождала его в медсанбат. Тоже, вроде тебя, о Пушкине что-то насказывал... сгоряча...

«При чем тут Никаноров?!» – рвался из груди немой протест... и захлебнулся: он же слывет среди нас, пока еще живых панфиловцев, за самого честного и скрупулезного в отношении того, что относится к фронтовым событиям, датам и названиям. Как я до сих пор не обратился к нему! Поздно, но воспрянул: Борис знает... знает... и не только про Чертову гору, эскизно начерченную мной в приведенном выше стихотворении. Видит Создатель, как я нуждался в подтверждении реальности ее существования! И – воспрянул!

Встретились. Беседа – по душам...

– В тот день я проводил рекогносцировку местности огневых позиций для своих сорокопяток. Поглянула волнистая долинка у подножия Чертовой горы... (мое сердце дрогнуло)... за околицей безлюдного маленького села с очень памятным названием – Чертовá гора. Улавливаешь разницу: не Чёртова, на первом слоге ударение, а Чертовá – на последнем... то есть разграничение, черта, межа. Это предметно растолковал мне земляк-краевед (я же коренной пскович), когда я после войны посетил место, где был ранен... Ты на себе испытал, как нас там гвоздили.

Испытал. Мое испытание – в испытании сотен тысяч не вернувшихся к родимому очагу... Захватчики лютовали, не скупясь на бомбы, снаряды, танки; лютовали мы – автоматами, штыками: наш снаряд действительно – свидетельствую, действительно! – пушкинской земли не разрывал. С этой стороны мое стихотворение «У реки Великой два кургана» с фотографической точностью воспроизводит картину того сражения. Правда и в том, что и мы, и они в котле побоища превратились в сатанистов.

Каждая сторона – за свое правое дело.

Гитлер вознамерился лишить нас родной речи, то есть – Пушкина... Абая... Навои... Омара Хайяма... Тукая. Вот тому свидетельство: «Лучше всего было бы обучить их (нас!) языку жестов».

Или: «Один раз в год можно будет проводить по столице (разумеется, Райха) отряд киргизов, чтобы, глядя на ее каменные памятники, они получили представление о мощи и величии Германии». А если киргизы (читай – казахи, узбеки туркмены, таджики) попытаются разогнуться?.. «Мы станем их господами, а в случае бунта сбросим на их города несколько бомб, и дело с концом».

Мы в ответ повторяли, как молитву, пламенный призыв Ильи Эренбурга: «Есть одни хорошие немцы – мертвые... убей немца!». И мы убивали... (К месту, не к месту ожила сценка: сидим с моим фронтовым побратимом Баурджаном Момышулы за победным столиком в ресторане Союза писателей в Москве. Атакуют журналисты – настырно, с подковыром: чем на войне занимаются нормальные люди? Баурджан взорвался: «Похоже, вы не фронтовой волны журналисты, а из тех, что нынче полезли из всех трусливых щелей... К вашему сведению – на войне нормальные люди изобретательно убивают друг друга... а после победы, кто уцелел, братаются»...)

В перманентных порывах убивать и брататься у нас, разумных созданий Голубой планеты, изощренный, в глубь непостижимых времен ускользящий опыт. Так устроен мир: то свет, то тьма... Друг-читатель! Ни лично тебе, ни лично мне, ни любой, как говорится, отдельно взятой личности от этого не легче. Глобальное горе мы воспринимаем рассудком, личное горе – жжет!

То, что вершилось весной сорок четвертого на Синегорье, неразлично мало. Оно – в глазу соринка. Правда, в той соринке – скопище вселенского страдания... И слеза Покаяния, подобно Млечному Пути омывающая (врачующая) наши помыслы и поступки. Оттого негасимо горит в храме Человека Свеча пушкинского Слова!.. Или я ошибаюсь?!

Но, не ведая почему, я постоянно испытываю пронзительно-юное влечение – л ю б и т ь . Лепесток моих сближений мятежно трепыхается на упругой веточке неискаженной памяти. Его не сорвал, не утопил в таинственных водах Леты шквалистый ветер, забывший способность исцелять, еще не утративший способность отсчитывать вехи вселенского бытия.

VII

*Я поднимусь по Занебесью
В никем не познанную Сень.
Попросит спеть земную песню
Меня, приметив, Божий Сын.*

*И будет опечален щедро:
Я песнопений не сложил,
Где затаилась мудрость Кедр,
Орбиты гнет Девятисил.*

*И Он вздохнет: «В каком кураже
Ты пепелил свою юдоль?»*

*И я отвечаю: «Лгал. И даже
В себе убил чужую боль.*

*Не пожалел лесную птаху
И придорожный полынок.
Соперника завлек на плаху,
В своей тщете не одинок.*

*И гнал разумных и невинных
Во мглу и стынь – за валом вал.
И на путях, в оплывах глины,
Следы их втайне целовал...»*

*И молвил Иисус неспешно:
– Живи в раю,
 в грехе рожден...
Себя ж низвергнет в ад кромешный
И будет Стонни...*

Я слушаю Ольгу и всматриваюсь в карту Псковской области, как всматривался в оперативную карту более полувека тому назад. Так же, как и тогда, волнуют обозначения. Привольно течет река Великая с юга на север, вбирая в себя по пути к Псковскому (через него – к Чудскому) озеру приметные и неприметные притоки – Шесть... Исса... Щепец... Череха. И, конечно же, Сороть с родовым именем на влажном берегу. Помните:

И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы.

И впрямь, славно в нем пировалось... мечталось... писалось. Сказы няни («...он ее все мамой называл. А она ему, бывало, эдак нараспев: – Батюшка, ты за что все мамой зовешь, какая я тебе мать? – Разумеется, ты мне мать: не та мать, что родила, а та, что своим молоком вскормила»)... Обилие впечатлений, постоянная перемена в настроении, непредсказуемость поступков. Много читает, с пристрастием *Историю Государства Российского*... переписка с друзьями, встречи с ними. Михайловское для Поэта – решительно, свет и радость! Порой озорничал напропалую.

Пел это он в девятиницкую нашу ярмарку с нищими Лазаря и деньги собирал. Народу набилось столько много, что в воротах ни пройти, ни проехать. А тут сам г. исправник идет – нет ему хода, да и только. Осерчал, кричит: «Взять его, мол, под арест!» Вот двое соцких и повели Пушкина. Тот идет себе, ничего. Только вдруг это ему навстречу становой пристав.
– Александр, говорит, Сергеич! Куда это вы, батюшка?

- Да вот, говорит, под арест ведут.
- Кто же это вас арестовал?
- Исправник.
- Да Бог с вами, ступайте домой.

А Пушкин-то: «Нет, говорит, не хочу. Арестован и пойду».

Радостное волнение осеняло его, как видим, не только в общении с людьми своего круга. Его встречали в толпе на многих торжищах-ярмарках в Святых горах. Вот тому редкое, сказал бы бесценное, свидетельство Акулины, болтливой и любознательной дочери священника по прозвищу «отец Шкода» из села Воронича: «Мужик мужиком, в армяке с круглым воротом, красивый шелковый кушак у пояса. И как где много серого народу собиравшись, – он тут как тут.. и они знай по-своему козыряют – не смекают, значит, что сам барин с ними братается!»

Ох, неравнодушен был этот «мужик мужиком» к резвой поповне...

– Раз увязался со мной в рощу по грибы... «Пойдем, говорит, грибы собирать, красавица, у меня, говорит, острый глаз на всякий гриб».

Вижу (будто был там!), как млеет, как рдеет от заигрываний барина Акулинушка: они то ласкают, то обжигают до обморока. Ну, а «серый народ» по-своему (по-свойски!) козыряет, а он в ответ по-свойски братается. Выходит, не внимал предостережению близкого друга, поданному еще в Одессу: «Сделай милость, будь осторожен на язык и на перо... А всегда ребячиться надоест».

Ребячился, да как! Вот еще одно свидетельство тому – строчки из дневника интеллектуала-торговца И. Лапина:

1825 год 19 мая в Св. Горах о девятой пятницы

...и здесь имел щастие видеть Александру Сергеевича г-на Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одеждою, а на прим., у него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубаше, опоясавши голубою лентою, с железной в руке тростию, с предлинными чер. бакинбардами...

Думаю, к месту притулятся строки из уже упомянутой книги «Пушкин и его время»:

По-видимому, в Михайловском Пушкин перестал бриться и отпустил усы и бороду. Так, с усами и бородой, мы видим его на автопортрете, рисованном во второй половине 1825 года на черновике статьи «О поэзии классической и романтической». Вероятно, вскоре Пушкин сбрил себе усы, оставив одну бороду...

Как заметил читатель, великолепная зарисовка торговца И. Лапина по дате совпадает с наблюдением знатоков... Да, рядиться наш Поэт умел и любил. Приведу фрагмент из редко публикуемых записок воспитанника Ришельевского лицея А. Сумарокова.

...Входит в класс незнакомая особа в странном костюме: в светло-сером фраке, в черных панталонах, с красной феской на голове и с ружейным стволом в руке вместо трости. Я встал, он мне поклонился и, не говоря ни слова, сел на край ученической парты, стоящей у кафедры. Я смотрел на это с недоумением, но он первый прервал молчание:

– Я когда-то сидел тоже на такой скамье, и это было самое счастливое время в моей жизни.

Потом, обратившись прямо ко мне, спросил:

– Что вы читаете?

– Речь Цицерона, – ответил я.

– Как ваша фамилия?

– Сумароков.

– Славная фамилия! Вы, верно, пишете стихи?

– Нет.

– Читали вы Пушкина?

– Нам запрещено читать его сочинения.

– Видели вы его?

– Нет, я редко выхожу из заведения.

– Желали бы его видеть?

Я простодушно отвечал, что, конечно, желал бы – о нем много говорят в городе, как мне передали товарищи.

Он усмехнулся и сказал:

– Я – Пушкин, прощайте.

Друг-читатель, прости за столь пространную цитату: и тебе довелось пережить подобное, хранимое в шкапулке памяти. Она стоит того, и душе отрада. К тому же Пушкин, верю, имел пристрастие к переодеваниям не ради маскарада. Он любил жизнь во всех ее проявлениях (не пропускал случая посидеть за карточным столом. «Я предпочел бы лучше умереть, чем не играть!»).

Годы, проведенные Пушкиным в Михайловском, не сомневайтесь, запомнились ему и свадьбами: восемнадцать венчаний за один год! И Он (знаю... знаю!) побывал на всех, ну почти на всех; азартно хлопал в лад с захмелевшим застольем – «Го-орько-о!», кружился с приглянувшимися молодушками, раздумывавшимися от в меру принятого «Ерофеича». Крепче и сладоствнее других прижимал к своей горячей груди раскрасавицу поповну.

Свадьбы... престольные праздники... просто посиделки – отрадные вехи сельского быта. Но будоражили округу и иного толка страсти. Приведу лишь выборочные примеры.

...крестьянка Агрипина утопила в реке блудно прижитого сына.
...дворяная девка Федосья прижила детей с помещиком. ...помещица, коллежская советница Елизавета, прижила блудного младенца. ...привлечены к ответственности священники за медленное доставание пожертвований для бедных. ...наказан помещик, не бывший 5 лет у исповеди.

Разбором срамных дел принуждены были заниматься светские и духовные пастыри. На селе всем все известно. Было ведомо и Пушкину. Его затрагивали разнообразными мелочами повседневной жизни, он живо откликался на них. Все шло впрок...

VIII

«Заболев» Пушкиным в Михайловском изгнании, я возжаждал узнать о нем как можно больше... Ну, например, какими перьями предпочитал писать Он: самоделками от выхоженных няней важных гусынь или «фабричными»? Какого цвета предпочитал чернила? Был ли разборчив в бумаге? Все это и многое другое влияет на вдохновение. У Него был звонкий, открытый голос. («Писавши эти строки и напевал их своим звучным голосом... И месяц с левой стороны / Сопровождал меня уныло... *А. Керн*»). А вот К. Полевой: «...и захохотал тем простодушным смехом, который памятен всем знавшим его». Этот простодушный смех... голос... дошли до нас живыми. Но был ли тот голос низкий, бархатно-басовитый или, напротив, тенорово-чистый, прозрачный?.. дымил ли он трубкой (сигарой) так, забавы ради, или был завзятым курильщиком?.. Какую из румяноликих молодухек приголубил так, что через нее осчастливил Синегорье своим дитятей? Имя полюбившейся мне резвухи Акулины в криминальном списке, к счастью, не значится.

Зубам повезло – запечатлены.

Бежит ко мне Лукерья, кричит: «Ступай, Таня, гости приехали, слушать хотят». Я только косу расплела и повязала голову белым платком. Такой и высочила... И только он (Пушкин) меня увидел, так и помер со смеху. Зубы-то белые, большие, так и сверкают. Показывает на меня гостям: «Поваренок, кричит, поваренок!»

(Цыганка Татьяна)

А вот еще более великолепный штрих.

У кн. В. Ф. Одоевского

Пушкин только и говорил, что о Гофмане... «Одоевский пишет тоже фантастические пиесы», – сказал Пушкин с неподражаемым сарказмом в тоне. Я возразил совершенно невинно: «К несчастью, мысль его не имеет пола», – и Пушкин неожиданно показал мне весь ряд своих прекрасных зубов.

(В. Ленц)

Не сомневайся, читатель, «повеса» Пушкин неотразимо пускал их в дело при встрече с очередным «гением чистой красоты», его пленившим. Но при помощи каких снадобий содержал он в сверкании весь ряд своих прекрасных зубов? Какими щетками-зубочистками, какими пастами-примочками пользовался; какими рекомендациями пренебрегал, а каким слепо верил? Привередливый читатель упрекнет: достойно ли Пушкина копаться в подобных мелочах? Можно отшутиться – дурной пример заразителен. Вспомним, Пушкин жалобно – В. Вяземской:

«Княгиня, позвольте уйти на суденышко». А если без шутки, да – стоит! Уверен: не только произведения (в данном случае, созданные им в Михайловском), но и подобные мелочи помогают нам увидеть живого Пушкина. Что-то находил, что-то терял. Радовался... тосковал, бесился. Приходит на память дневниковая запись М. Погодина: «За три дня до смерти он (Пушкин) сказал:

– Я только что перебесился, я буду еще много работать».

IX

Если верить хорошо известному пушкинистам заседателю Чихачеву, Александр-свет-Сергеич вел себя в Михайловском тише воды, ниже травы... скромнехонько. Правда, говорун, часто возводящий на себя небылицу... живет в трех с половиной верстах от Святогорского монастыря в сельце Зуеве (не путать с Захарово, что было куплено бабушкой Поэта М. А. Ганнибал в Подмосковье)... приходит в монастырь по воскресеньям в сюртуке, в жары, без косынки... но на ярмарках иногда показывается в русской рубашке и соломенной шляпе. На вопрос мой: «Не возмущает ли Пушкин крестьян?», – игумен Иона отвечал: «Он ни во что не вмешивается и живет как красная девка».

А. Бошняк, посланный в Псковскую губернию «...для возможно тайного и обстоятельного обследования поведения известного стихотворца Пушкина», прежде всего познакомился с Чихачевым и услышал (узнал), что Пушкин ведет себя скромно и постоянно заверяет: «Я пишу всякие пустяки, что в голову придет, а в дело ни в какое не вмешиваюсь. Пусть, кто виноват, тот и пропадает, а я же сам никогда на галерах не буду...» – Ох, Пушкин... ох, дипломат! Даже в письме к Д. Шварцу лукавил: «Нахожусь я в глухой деревне – скучно, да нечего делать... Уединение мое совершенно».

Удивительно, но именно в сем «совершенном уединении» (а быть может, благодаря ему?) Пушкину славно писалось; в свободные от творчества часы он увлеченно совершенствовал руку и глаз в стрельбе из пистолета – в предчувствии поединка с «картежным вором» Толстым-американцем (не только с ним!). И преуспел: выстрел из любого положения – в яблочко. (Но как же... как же, терзаюсь я, он мог позволить смертельно ранить себя какому-то светскому щеголю Дантесу?!)... А конные и пешие прогулки по окрестным холмам и долинам, когда в осеннем шуме дубрав угадывалось грядущее: «Кому из нас под старость день лица / Торжествовать придется одному?»

Будущее будущим, оно во власти Всевышнего. Но и в родительском поместье случалось Ему пережить такое, что потрясло и перевертывало сознание. Выше, помнится, я слабо намекнул на одно событие из жизни нашего Гения (отнесу его к трагическим), сравнимое по значимости со всенародно памятной вехой не только для россиян. О нем хорошо знают пушкинисты и истинные почитатели Таланта – кто постарше. Я осмелюсь напомнить о том событии «младой жизни».

Из письма Пушкина к В. А. Жуковскому:

...Пешуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче – быть моим шпионом; вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволили мне

с ним объясниться... Перед тобой не оправдываюсь. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? Рудников Сибири и лишения чести? Спаси меня хоть крепостью, хоть Соловецким монастырем.

31 октября 1824.

Михайловское.

В письме к В. Ф. Вяземской – стон, исторгнутый уязвленной честью: «Мой отец имел слабость с о г л а с и т ь с я»... На что согласиться, мы уже знаем. Удар ниже пояса. Сын (Поэт) не находит места, он о т п р я н у т и о т п р я н у л ! Комнаты, благоухающие запахами хорошего дерева и свежей земли, опостытели до чертиков. Он бежит в Тригорское, под сень милой ему, глубоко и нежно почитаемой Параскевы Осиповой. И рвутся из раненной груди заклинания:

С Тобою, Боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева Твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подними его!

С заката подними его. Задача, преподанная человечеству вселенским Хаосом. Он изобретательно и непредсказуемо сучит нить Ариадны в жизни всего сущего на Земле. С чего бы вдруг приснился сон: горы Алатау перевернулись, упершись в землю вершинами, а подошвы подняв к небу... Малая и Большая Алматинки потекли вспять... горожане прогуливались по бульварам на головах. Какой-то никем (ничем) не спровоцированный бред больного воображения. Но так ли это? Проснулся в чистом сознании и светлом разуме. Почувствовал, должно произойти что-то важное, рубежное. В голове воскресла картинка в натуральных подробностях. Лицей. Урок русской словесности. Тема – Солнце. Первым вдохновенно возглашает Илличевский – самое остроумное перо среди однокашников: «Грядет с заката Царь Природы», – и запнулся... Пушкин вдохновенно подхватывает: «И изумленные народы / Не знают, что им предпринять: / Ложиться спать или вставать!» (Цитата из памяти... по памяти).

Наваждение да и только? Или открылось то, о чем давно-давно прочитал в какой-то книжке для детей старшего возраста. Прежде издавались такие – Сытинские, – цены им нет! Найти бы подтверждение, малый намек на то, что упражнение на тему «Солнце» лицеистам задавалось. Тогда бы и ты, друг мой читатель, уверовал в повелительную волю Хаоса: без причины, без непостижимой глубинной связи не случаются даже самые фантазмагорические сны. Подтверждения существовали (существуют!). Приглашаю насладиться вместе со мной.

Воспитанникам Лицея было задано написать в классе сочинение: восход солнца (обрати внимание, читатель, на слово в о с х о д)... Все ученики уже кончили сочинение... дело стало за одним... (он) только вывел на листе бумаги следующую строчку: Се от Запада грядет царь природы...

– Что же ты не кончаешь? – сказал Пушкин.

– Да ничего на ум нейдет, помоги...

– Изволь!

И Пушкин так кончил начатое сочинение:

И изумленные народы

Не знают, что начать:

Ложиться спать

Или встать?

И еще – вдогонку:

...профессор задал некоторым из своих учеников I курса написать стихи на з а к а т с о л н ц а (обрати внимание, читатель, на слово з а к а т). Кто-то (я убежден, А. Илличевский! – Дм. Сн.) начал свое стихотворение следующим образом:

– Восстал на Западе блестящий сын природы.

Пушкин тотчас же вскочил со своего места и продолжил: – Не знают: спать или встать смятенные народы.

Я возгордился – моя память свежее... точнее! И вообще, что это – игра в сближения?.. анекдот?.. шутка?.. Но в каждой шутке, мил-читатель, есть с в о е з е р н о . Благо, если оно прорастет пушкинской морошкой; пагуба – если волчьим лыком...

В свой смертный час Он попросил у жены морошки.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

*Как встарь, увязался за мной
Маг Смуты – бесшумно, хитро.
И жалом орбиты земной
Мое Он ласкает перо.*

*Не ведает Демон: прошло
То время, когда Он творил
С божественным обликом Зло,
Коварен... загадочен... мил.*

*Уймись, Мефистофель, уймись, –
Престолит компьютеров рать.
Где Поле?.. где Бездна?.. где Высь? –
Тебе не дано разгадать.*

*В наш век... Ты, увы, устарел.
Мне жаль Тебя, умница, жаль:
В колчане ни яда, ни стрел,
Лишь прежних дерзаний печаль.*

*И сам я не так уж сметлив,
Вкусив Твоей страсти сполна,
И странных сближений мотив
Размыла разлуки волна.*

*На стыке куражных судьбин
Мы разنو и грозно живем.
Мерцанье предвестных седин
Все строже в притоне моем.*

*...а вдруг возвратится к Нему
Мощь Духа? И зыкнет: «Восстань!»
И Он переложит на Тьму,
(Во мне затаенную Тьму)
Святую свою Окаянь?!*

Колеблются чаши на Весах вечности. Добро – Зло... Перепутья – Золотое сечение. И шумит чудотворно под вселенским ветром С а д П у ш к и н с к о й П о э з и и . Молодые яблоньки чьего-то детства распрямляют ветви; среди нежной изумрудной листвы – чуткие, л и р н ы е завязи. Антоновка... Титовка... Белый налив. И – вершина вершин: «Не я ль язык твой одарил / Могучей властью над умами?»

